

СТАТЬИ

В. И. ЛЕНИН О ВОЗМОЖНОСТИ МИРНОГО РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ в 1917 году

М. И. Мишин

95200
Великая Октябрьская социалистическая революция является неиссякаемым источником революционного опыта и ярким светочем, указывающим путь в будущее трудящемуся человечеству.

Своеобразная и неповторимая в конкретных исторических деталях и частностях, русская революция 1917 г. выразила общие объективные закономерности общественного развития эпохи империализма и убедительно подтвердила правильность основных положений марксистско-ленинской теории.

Каждый шаг первой в человеческой истории победоносной социалистической революции, каждый документ, каждая строка гениальных творений ее великого вождя В. И. Ленина имеют поистине всемирно-историческое значение и должны стать драгоценным достоянием науки, изучающей историю и теорию общественного развития.

За сорок лет советские историки немало и плодотворно потрудились над изучением истории Октября, накопили огромный фактический материал и создали ряд глубоких исследований.

Но, оценивая достигнутое масштабom великих событий, являющихся предметом исследования, сопоставляя сделанное с тем, что и как необходимо сделать, следует признать, что многие актуальные конкретно-исторические и теоретические вопросы революции 1917 г. все еще недостаточно изучены и впереди непочатый край работы.

К числу таких вопросов относится и вопрос о возможности мирного развития революции в 1917 г., поставленный и гениально решенный В. И. Лениным в его бессмертных творениях.

В свете исторических решений XX съезда КПСС о своеобразии форм перехода различных стран к социализму и возможности мирного, в частности парламентского, пути к нему этот вопрос приобрел особое политическое и теоретическое значение.

Изучение ленинского курса на мирное развитие революции, выяснение его подлинного содержания и обобщение исторического опыта борьбы за его осуществление дают исключительно ценный материал для понимания актуальнейшего вопроса — о соотношении насильственных и мирных форм борьбы пролетариата за власть — и для разоблачения современных ревизионистских концепций.

Выячивая особенности и своеобразие развития каждой страны и искусственно противопоставляя их общим для всех стран закономерностям общественного развития, современные ревизионисты «национал-коммунистического» толка стремятся принизить значение Октябрьской революции и умалить роль опыта русских коммунистов.

Известно, что в последнее время в выступлениях и статьях отдельных деятелей коммунистических партий по вопросу о мирном пути к социализму излагаются «теории», в корне противоречащие марксизму-лени-

низму и мало чем отличающиеся от реформистских правосоциалистических лжеучений¹.

В коммунистической печати уже отмечались встречающиеся на страницах югославских журналов и газет высказывания, по существу ревизирующие марксизм по коренным вопросам — о классовой борьбе и революционном насилии, о диктатуре пролетариата². Так, например, в статье М. Тодоровича, опубликованной в югославском журнале «Коммунист», излагается теория «всеобщего процесса созревания и трансформации человеческого общества к социализму» без классовой борьбы.

В еще более отчетливой форме развивал ревизионистские концепции ныне исключенный из рядов Французской коммунистической партии П. Эрве, договорившийся до полного отрицания классовой борьбы во всех ее формах и «отменивший» революцию, как невозможную в атомный век.

В дискуссии об итальянском пути к социализму, развернувшейся в Коммунистической партии Италии в связи с ее VIII съездом, раздавались голоса, звучавшие в унисон с реформистскими. Фабрицио Оноффри на страницах теоретического журнала «Rinascita» выдвинул концепцию парламентского, безоговорочно мирного пути к власти как единственно возможного для итальянских коммунистов. Умалчивая о том, что в процессе борьбы за использование парламента, при определенных условиях, в зависимости от поведения господствующего класса может оказаться неизбежным революционное насилие, Оноффри стал на путь ревизии марксизма и подвергся заслуженной критике со стороны Пальмиро Тольятти³.

На самом VIII съезде Итальянской коммунистической партии ревизионистская тенденция по рассматриваемому вопросу наиболее отчетливо была выражена в выступлении Джолитти, утверждавшего, что мирный переход к социализму может произойти независимо от деятельности революционной партии, в результате стихийной тяги к социализму, порождаемой развитием производительных сил⁴.

В польской печати также имели место выступления, которым необходимо дать решительную отповедь. Так, Оскар Ланге в статье, посвященной итогам VIII съезда Итальянской коммунистической партии⁵, ни единым словом не обмолвился о ревизионистских теориях, а в изложении основных докладов и решений съезда, явно тенденциозно освещая вопрос, «опустил» идею классовой борьбы, необходимости диктатуры пролетариата. Он «забыл» рассказать читателям о том, что, борясь за парламентский мирный путь перехода к социализму, итальянские коммунисты отнюдь не считают его автоматически обеспеченным, тем более фатально предпринятым, твердо помнят о возможных попытках реакционных переворотов и не исключают применения революционного насилия, если условия требуют того⁶.

Высказывания В. И. Ленина о путях пролетариата к власти, в том числе работы 1917 г., в которых поставлен и решен вопрос о возможности в определенных условиях мирного пути, своим идейно-политическим острием направлены против оппортунизма в любых его разновидностях и

¹ Как правило, эти деятели подвергают оппортунистической ревизии целый комплекс вопросов марксистско-ленинского учения. В настоящей статье в соответствии с ее темой упоминается только один из пунктов этой ревизии.

² См. об этом, например, в статье Роже Гароди «По поводу итальянского пути к социализму». Журнал «Cahiers du communisme», 1957, № 1.

³ См. об этом «Cahiers du communisme», 1957, № 1. Статья Роже Гароди.

⁴ «Rinascita», 1956, № 7; см. также «Коммунист», 1956, № 12.

⁵ См. польский журнал «Nowe drogi», 1957, № 2.

⁶ Следует отметить, что в редакционном обзоре дискуссии об итальянском пути к социализму между французскими и итальянскими товарищами на страницах журналов «Rinascita» и «Cahiers du communisme», помещенном в № 4 журнала «Nowe drogi» за 1957 г., вопрос о мирном пути освещен гораздо более объективно.

дают исчерпывающую аргументацию для разоблачения фальшивых концепций современных ревизионистов.

Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин считал, что завоевание рабочим классом политической власти с помощью революционного насилия и установление диктатуры пролетариата является законом общественного развития.

Развивая учение Маркса и Энгельса применительно к условиям эпохи империализма, Ленин неустанно теоретически обосновывал и пропагандировал идею революционного насилия — закономерного, обусловленного структурой классового общества способа борьбы как в буржуазно-демократической, так и в социалистической революции.

Ленин показал, что в борьбе против омерзительной системы наемного рабства, против общественно-политического строя, основанного на насилии и угнетении эксплуататорским меньшинством огромного большинства народа, применение революционного насилия исторически оправдано, правомерно и прогрессивно.

Ленин доказал подлинно гуманистический характер революционного насилия, открывающего человечеству путь к светлому будущему и избавляющего народы от нищеты и вымирания, от кровопролитных войн, порождаемых капиталистической системой.

Но обосновав закономерность революционного насилия, Ленин опроверг пошлые и клеветнические измышления многочисленных врагов и «ниспровергателей» марксизма, пытавшихся изобразить коммунистов кровожадными подстрекателями, для которых насилие якобы является самоцелью или априорно принятым догматом. Он показал, что со стороны революционного пролетариата насилие является лишь методом борьбы, вынужденной ответной реакцией на систему насилия и террора, применяемую господствующими классами.

Революционное насилие, указывал Ленин, представляет из себя «необходимый и законный прием революции лишь в определенные моменты ее развития, лишь при наличии определенных и особых условий»⁷. И хотя право революционных классов на применение насилия по отношению к угнетателям обосновывается не конъюнктурными условиями, не тем или иным актом насилия со стороны классового врага, а всей социально-политической системой капиталистического рабства, практически пролетариат применяет насилие непосредственно лишь тогда, когда буржуазия переходит за рамки собственной легальности и становится на путь прямых агрессивных насильственных действий, переполняя чашу терпения, провоцируя гражданскую войну.

Это постоянно подчеркивали Маркс и Энгельс, обобщая опыт современных им революционных событий⁸. Об этом неоднократно говорил В. И. Ленин⁹. Об этом убедительно свидетельствуют исторические уроки трех революций и гражданской войны в России, а также всего послевоенного революционного движения и, наконец, опыт современности. Однако для понимания взглядов Ленина по этому вопросу сказанного недостаточно.

Отстаивая необходимость и закономерность революционного насилия, Ленин вместе с тем указывал, что «мы в идеале против всякого насилия над людьми»¹⁰, что «рабочий класс предпочел бы, конечно, м и р н о взять в свои руки власть»¹¹, что мирный путь без вооруженного восстания и гражданской войны был бы весьма ценен и выгоден для пролетариата и,

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 70.

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Госполитиздат. 1952. Т. I, стр. 131, 435; т. II, стр. 443 и др.

⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 54 и др.

¹⁰ См. об этом М. Горький. Собрание сочинений. Т. 17. М. 1952, стр. 40.

¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 254.

наконец, что при известных условиях, как исключение из общей закономерности или своеобразное ее проявление, такой путь возможен.

Решая вопрос таким образом, Ленин следовал учению Маркса и Энгельса, в трудах которых имеется положение о том, что в исключительных случаях пролетариат может добиться цели мирным путем¹².

Но в условиях новой эпохи Ленин развил это положение, не только всесторонне разработав и обогатив его теоретически, но и применив практически в 1917 г. в борьбе за победу социалистической революции в России.

Еще в разгар первой мировой войны В. И. Ленин писал: «...нельзя отрицать того, что в отдельных случаях, в виде исключения, напр., в каком-нибудь маленьком государстве после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, возможна мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы»¹³.

В этом положении Ленина большое значение имеет не только конкретная совокупность условий мирного перехода к социализму, в нем рассматриваемая, но и сам факт принципиального признания возможности возникновения «в отдельных случаях» таких условий.

В дальнейшем Ленин неоднократно возвращается к этому вопросу: в полемике против Каутского, приводя аналогичный указанному выше пример¹⁴, комментируя высказывания Маркса и Энгельса¹⁵, анализируя опыт первой фазы Венгерской революции 1919 г.¹⁶ и непосредственно в ходе революции 1917 г. обосновывая реальную возможность мирного развития как актуальную проблему дня.

В цитированной статье — если рассматривать вопрос в самой общей форме — Ленин связывает возможность мирного развития революции с положением, когда буржуазия «убедится в безнадежности сопротивления», с резким изменением соотношения сил в пользу революционных классов.

И в своеобразной ситуации марта — апреля 1917 г. в России на определенный исторический период сложилось такое соотношение сил, которое создало не абстрактную, а реальную возможность мирного развития революции, мирного перехода власти к пролетариату.

Какова же была оценка этой ситуации Лениным? Как он обосновал возможность мирного развития и какой путь указал партии и рабочему классу для ее реализации?

Уже при первых скудных и отрывочных известиях о событиях в России, полученных в далекой Женеве, В. И. Ленин дает глубокую теоретическую оценку революции и определяет ее перспективы.

В «Письмах из далека»¹⁷, «Прощальном письме к швейцарским рабочим»¹⁸ и в целом ряде писем к товарищам по партии — Карпинскому, Луначарскому, Ганецкому и другим¹⁹ — Ленин шаг за шагом, последовательно, с каждым новым известием все конкретнее разverteбает анализ революции, доказывает объективную неизбежность ее перерастания в социалистическую, намечает основы стратегии и тактики партии.

Законченную формулировку и исчерпывающее обоснование ленинские мысли получили в знаменитых «Апрельских тезисах» и тесно связан-

¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. 2-я, стр. 669; т. XVI, ч. 2-я, стр. 108; Избранные произведения. Т. I, стр. 101, 107, 109; т. II, стр. 419.

¹³ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 57.

¹⁴ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 335—336.

¹⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 310.

¹⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 296, 357.

¹⁷ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 291—333.

¹⁸ См. там же, стр. 357—364.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 244, 249—253.

ных с ними документах. «Апрельские тезисы», как известно, легли в основу исторических решений VII (Апрельской) конференции и стали официальным курсом партии, ее генеральной линией на новом стратегическом этапе. Тезисы провозгласили курс на социалистическую революцию и наметили конкретные пути ее осуществления.

Главная идея тезисов заключалась в том, что Февральская буржуазно-демократическая революция — первая революция, порожденная империалистической войной, — является лишь начальным этапом, за которым неизбежно последует следующий, более высокий этап — социалистическая революция.

Ленин, уже в период русской революции 1905—1907 гг. разработавший стратегический план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, показал, что десятилетие развития империализма в России, а особенно империалистическая война и порожденные ею новые условия чрезвычайно сблизили оба этапа, сделали социалистическую революцию неотложной задачей дня.

Буржуазия, пришедшая к власти в результате Февральской революции, не могла решить ни одной из задач, с особой остротой поставленных войной и кризисом: ни закончить кровавую войну, ни преодолеть разруху и голод, ни дать землю крестьянству. Решение этих вопросов было невозможно без установления диктатуры пролетариата, без вторжений в капиталистическую собственность, без ряда неотложных «практически назревших шагов к социализму». Вместе с тем эти шаги к социализму — национализация земли, государственный контроль над банками и слияние их в единый центральный банк, государственный контроль над крупными синдикатами и т. д. — были не только необходимы для спасения страны, но одновременно и вполне возможны и осуществимы — экономически, технически, политически²⁰.

Все это означало, что предпосылки социалистической революции в России созрели и что переход от буржуазно-демократического этапа революции к социалистическому был объективно неизбежен. С такой оценкой характера и перспектив революции неразрывно была связана и оценка ее движущих сил.

В. И. Ленин разоблачил полуменьшевистскую концепцию Каменева и его единомышленников, которые боролись против курса на социалистическую революцию, отрицая наличие предпосылок для нее в России в 1917 году. Ограничивая задачи революции буржуазно-демократическими рамками, они настаивали на том, что ее движущими силами по-прежнему являются пролетариат и целиком все крестьянство и что пролетариат должен стремиться не к отмежеванию от мелкой буржуазии, а, наоборот, к приспособлению своей линии к ней. Вытекавшая из такого понимания задач и движущих сил революции тактика, которую эти оппортунисты пытались навязать партии, вела не к развитию революции, а к ее торможению, к укреплению позиций буржуазии²¹.

В «Письмах о тактике», в ряде выступлений на Петроградской и VII (Апрельской) конференциях партии Ленин со всей убедительностью выяснил несостоятельность и пагубность каменевщины и показал, что движущими силами нового, социалистического этапа революции является

²⁰ См. «Протоколы Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП(б)». М. 1934. Резолюция «О текущем моменте» и др.

²¹ Тем не менее в статье «Ленин накануне Октября», опубликованной в югославской газете «Борба» (№№ от 19, 20 и 21 апреля с. г.), роль Каменева, оппортунистическая линия которого была столь решительно осуждена Лениным, освещается в тоне пietetа и возвеличения. В этой пространной статье не нашлось места для обоснования ленинского курса на социалистическую революцию, ни словом не упоминается борьба партии за мирный путь развития революции, втуне оставляются важнейшие события в жизни большевистской партии, явившиеся историческими вехами на пути к Октябрю: «Апрельские тезисы» Ленина, Апрельская конференция, VI съезд партии и т. д.

только пролетариат — руководящая сила, гегемон революции, и примыкающее к нему беднейшее крестьянство. Ленин указывал, что кулак может оказаться правее Гучкова, а захлестнутое оборончеством мелкобуржуазное — среднее, зажиточное — крестьянство вошло в сделку с буржуазией и может колебаться «до социализма»²².

Только рабочие и беднейшие крестьяне, немалая часть которых под влиянием известных, достаточно выясненных в исторической литературе причин, также оказалась захлестнутой «гигантской мелкобуржуазной волной», — только эти классы по своей объективной классовой природе способны в кратчайшие исторические сроки покончить с оборонческими и соглашательскими иллюзиями, ликвидировать эсеро-меньшевистское влияние и под руководством партии революционного пролетариата — большевиков — выполнить свою роль: совершить социалистическую революцию.

Только эти классы, способные к последовательной и беззаветной борьбе за социалистическую революцию, могут обеспечить победу и в вооруженном восстании и в гражданской войне, если эти самые острые формы классовой борьбы будут навязаны эксплуататорскими классами и станут неизбежными.

Выделение этих классовых сил из всей якобы единой, однородной массы, выделение четкой пролетарской классовой линии и решительное отмежевание от гнилой, предательской линии партий соглашательского блока — такова была важнейшая задача.

Ленин постоянно подчеркивал, что рабочие вместе с беднейшими крестьянами составляют подавляющее большинство населения и что поэтому их совместные революционные действия (каковы бы ни были колебания промежуточных классов), направляемые партией, являются не только необходимым, но и достаточным условием победы социалистической революции, решающим ее фактором.

Все вопросы большевистской стратегии и тактики, в том числе вопрос о возможности мирного развития революции, можно понять до конца, только исходя из этой ключевой позиции и постоянно имея в поле зрения этот глубокий классовый анализ и последовательную ориентацию на определенные классы. Это руководящее положение было очень четко сформулировано в решениях Апрельской конференции:

«Надо понять, какие классы двигают революцию. Надо трезво учесть их различные стремления. Капиталист не может идти той же дорогой, что рабочий. Мелкие хозяйчики не могут ни вполне довериться капиталистам, ни сразу и все решиться на братски-тесный союз с рабочим. Только поняв различие этих классов, можно найти верный путь для революции»²³.

Последовательная классовая ориентация обусловила настойчивую и эффективную борьбу Ленина и партии за вооружение рабочих, систематическую работу по организации рабочей милиции и Красной Гвардии.

Из этой ориентации вытекали многократные ленинские указания и партийные решения о перенесении центра тяжести аграрной программы на беднейшее крестьянство, о создании Советов батрацких депутатов и союзу сельскохозяйственных рабочих, а также огромная работа, проведенная партией в этом направлении.

Прямым ее выражением являлась ленинская политика в отношении партий эсеро-меньшевистского блока — линия на систематическое их разоблачение и полную изоляцию от масс.

Но концентрируя усилия на решении основной задачи, большевики одновременно стремились решить и другую — преодолеть колебания масс городского и деревенской мелкой буржуазии, добиться отрыва их от бур-

²² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 30—34, 117, 121—123 и др.

²³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Госполитиздат. Изд. 7-е, стр. 334.

жуазии, что также достигалось борьбой за разоблачение соглашателей и их изоляцией.

Ленин указывал, что колебания мелкой буржуазии «между буржуазией и пролетариатом неизбежны» и что только при присоединении этого класса к пролетариату «победа дела революции, дела мира, свободы, получения земли трудящимися, обеспечена легко, мирно, быстро, спокойно»²⁴.

Таким образом, победа социалистической революции обеспечивалась ее движущими силами — пролетариатом и беднейшим крестьянством. Но одним из важных факторов, облегчавших победу революции и создававших возможность ее мирного развития, являлась также поддержка широких масс мелкой буржуазии.

Если основной стратегический курс партии на социалистическую революцию был определен Лениным, исходя из совокупности основных социально-экономических и политических условий, которые характеризовали послефевральскую Россию, то подчиненный тактический вопрос о путях и методах совершения этой революции решался им на основе анализа конкретных особенностей, конкретных условий каждого этапа развития.

Возможность мирного развития революции и перехода власти к пролетариату мирным путем Ленин вывел из своеобразной расстановки классовых и политических сил, которая сложилась в России после февраля и сохранялась в течение определенного периода.

Эта своеобразная ситуация характеризовалась, как указывал Ленин в «Апрельских тезисах», следующим сочетанием условий: «с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас с самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма»²⁵.

В дальнейшем Ленин дополнил эту характеристику: «Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была суть дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции»²⁶.

В еще недавно лишенной элементарных гражданских свобод, бюрократической, полицейской и милитаристской царской России сложилось положение, когда все политические партии, в том числе партия революционного пролетариата, могли легально вести агитационно-пропагандистскую работу в массах, организовывать свои силы и расширять влияние, а бюрократия и военщина были основательно потрепаны и бездействовали.

У власти стояло буржуазное Временное правительство, а наряду с ним в стране действовали созданные революционным почином масс и избранные огромным большинством народа Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ленин метко охарактеризовал это оригинальное положение как «двоевластие». Но существенной особенностью двоевластия являлось то, что одна из этих властей, а именно власть буржуазного Временного правительства, держалась только посредством поддержки ее второй властью — Советами рабочих и солдатских депутатов, на стороне которых была реальная общественная сила.

За Советами шло огромное большинство народа, притом в значительной части вооруженного. Они представляли из себя делегации от массы свободных, т. е. никакому насилию извне не подвергающихся,

²⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 38.

²⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 4.

²⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 164.

и вооруженных рабочих и солдат»²⁷. А Временное правительство было фактически бессильно: пока силы контрреволюции не были собраны и организованы, оно не имело собственной опоры и держалось лишь постольку, поскольку ему оказывали доверие Советы, поскольку не была разоблачена его империалистическая природа, не был развеян угар «революционного оборончества»²⁸.

Ленин настойчиво указывал и на ту и на другую стороны этой ситуации, своеобразно сложившегося соотношения классовых сил. Он отмечал, что буржуазия не производит насилия над массами, над представляющими эти революционные массы Советами «и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно над народом чиновничества нет»²⁹.

Одновременно он подчеркивал, что Советы обладают огромной реальной силой, что они в состоянии осуществлять всю полноту власти и если бы решились, захотели взять власть, то буржуазия не смогла бы оказать им сопротивление. Власть перешла бы в руки пролетариата беспрепятственно, безболезненно, мирным путем.

Особо Ленин оттенял значение того факта, что в лице Советов революционные классы имели налицо готовые учреждения, готовый аппарат государственной власти, способный сразу принять управление из рук буржуазии и дать народу «свободу и порядок вместе с возможностью мирного и постепенного перехода к социализму»³⁰.

«Только в России, — писал он, — возможен переход власти к готовым учреждениям, к Советам сразу, мирно, без восстания, ибо сопротивляться Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов капиталисты не смогут»³¹.

Наконец, еще одно обстоятельство: существование Советов в обстановке известных демократических свобод открывало возможность не только первого шага — отстранения буржуазии от власти и перехода власти к Советам, но и безболезненной, мирной борьбы за влияние внутри Советов в дальнейшем, поскольку в этой обстановке «волю большинства можно определять составом»³² Советов рабочих и солдатских депутатов.

Итак:

недостаточность материальной силы у господствующего класса и невозможность для него в данный исторический момент применить насилие;

наличие материальной силы у революционных классов;

наличие в лице Советов — готовой формы, готовых учреждений государственной власти пролетариата;

элементарные демократические свободы, дающие возможность пролетариату и его партии развивать революционную деятельность, наращивать силы, влиять на работу и изменять состав представительных учреждений — Советов;

неспособность буржуазии вывести страну из войны и кризиса и объ-

²⁷ Там же.

²⁸ Это обстоятельство отчетливо понимали и повседневно ощущали сами деятели Временного правительства. Военный министр в кабинете Львова октябрист Гучков в секретном письме начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексею писал: «Прошу верить, что действительное положение вещей таково: Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железная дорога, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать что Временное правительство существует лишь, пока это допускает Совет рабочих и солдатских депутатов» (см. журнал «Пролетарская революция», 1927, № 7 (66), стр. 40).

²⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 26.

³⁰ Там же, стр. 95.

³¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 39.

³² В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 187.

активная заинтересованность подавляющего большинства народа в переходе власти к пролетариату, единственной социальной силе, указывающей реальный путь к спасению;

международная обстановка, которая не позволяла буржуазии укрепиться за счет получения прямой эффективной помощи извне;

все это, как проявление не обычного, «нормального» состояния общества, а революционной ситуации, означавшей прежде всего сверхобычную, «экстраординарную» активность масс.

— такова конкретная — в условиях 1917 года в России — совокупность условий, которая дала Ленину основание поставить вопрос о возможности мирного разрешения революционного кризиса, мирного перехода власти к пролетариату.

Разумеется, решающей предпосылкой борьбы за мирный, равно как и немирный, путь развития революции являлось наличие в России боевого, революционнейшего, закаленного в борьбе рабочего класса и его надежного союзника в лице беднейшего крестьянства, неослабное руководство дальновидной, мужественной, авторитетной и боеспособной Коммунистической партии, построенной на незыблемых принципах марксизма-ленинизма.

Партия большевиков полностью приняла курс на социалистическую революцию и — поскольку условия создавали такую возможность — в соответствии с ленинскими указаниями вела линию на ее мирное развитие.

Решения Апрельской конференции, резолюции ЦК и ЦК РСДРП (б), Всероссийской конференции военных организаций, VI съезда РСДРП (б), выступления руководящих деятелей партии — И. В. Сталина, Я. М. Свердлова, Ф. Э. Дзержинского и других — показывают, как партия, руководимая Центральным Комитетом во главе с В. И. Лениным, последовательно и самоотверженно боролась за осуществление этой линии, проводила смелую и инициативную политику.

Как же Ленин определял возможный ход событий при мирном развитии революции, в чем заключался его план, насколько вероятным он считал его осуществление и какую роль сыграла борьба партии за мирный путь революции в подготовке Октября?

Но прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо в соответствии с ленинскими высказываниями уточнить само понятие «мирного» пути и исключить ошибочные, расширительные его толкования.

Разумеется, мирный путь развития революции, как его понимал Ленин, ничего общего не имел с реформистским, фиктивным «путем перехода к социализму», равно как и с его современной ревизионистской разновидностью.

В противоположность реформистскому пути, отрицающему революционный переход к социализму и диктатуру пролетариата, ленинский мирный путь — это путь революционного завоевания власти, основанного не на комбинациях в верхах, а на борьбе широких масс пролетариата и крестьянства, путь диктатуры пролетариата.

Как уже было сказано, мирный путь — в ленинском его понимании — стал возможным в 1917 году не как результат притупления классовых противоречий или добровольного отказа господствующего класса от власти, а благодаря реальной силе революционных классов; он являлся, таким образом, выражением силы революционных классов.

Мирный путь, как его трактовал В. И. Ленин, не исключал применения насильственных мер по отношению к буржуазии: он означал лишь, что переход власти к пролетариату может быть в некоторых случаях осуществлен без самых острых форм революционного насилия: восстания, массовых вооруженных столкновений и кровопролития — без гражданской войны. В. И. Ленин писал, что для обеспечения мирного перехода

власти к Советам и преодоления сопротивления капиталистов «достаточно будет надзора за эксплуататорами со стороны рабочих и крестьян и таких мер наказания ослушникам, как конфискация всего имущества, соединенная с непродолжительным арестом»³³.

Здесь дается, разумеется, не исчерпывающий перечень, а принципиальная характеристика мер, не противоречащих понятию мирного развития революции.

Мирный переход власти к пролетариату в ленинском понимании отнюдь не означал сохранения неприкосновенным старого государственного аппарата.

Ленин писал: ««Власть Советам» — это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т. е. истинно-демократическим аппаратом Советов»³⁴. Суть в том, что переход власти к Советам означал создание государственного аппарата нового типа, корнями связанного с народом, освобожденного от бюрократии и чиновничества, способного по своей классово-вой природе отстаивать интересы народа и двигать революцию по пути к социализму.

Этот тезис Ленина об отношении к буржуазной государственной машине при мирном развитии революции (независимо от того, в какой государственной форме пролетариат устанавливает свою власть) имеет исключительное значение и при анализе уроков классовой борьбы в странах народной демократии, в частности Венгрии, и при определении задач революционного пролетариата, борющегося, как, например, в Италии, за переход к социализму парламентским путем.

Наконец, еще одно необходимое уточнение понятия «мирного развития революции». Не следует смешивать различные стадии этого развития. Освещаемый в данной статье ленинский план мирного развития революции намечал перспективу в основном до перехода власти к пролетариату и установления его диктатуры. Он не предreshал вопросов, которые должны были возникнуть на последующих стадиях в связи с вероятным изменением международной обстановки и возникновением опасности контрреволюционного вмешательства извне, в связи с неизбежным — по мере развития социалистической революции — обострением классовой борьбы в деревне и в городе и т. д.

Поэтому, допуская возможность прихода пролетариата к власти мирным путем, Ленин отнюдь не снимал тем самым возможности самой острой вооруженной борьбы в дальнейшем, не рисовал идиллической картины обеспеченного «вечного мира». Ни одного подобного посула в высказываниях Ленина не было; вопрос о возможности мирного развития ставился предельно конкретно, исходя из данных условий, на данном отрезке времени.

Уроки истории, в частности опыт как первой (1919 г.), так и второй венгерских революций, убедительно подтверждают этот тезис и приводят к весьма серьезным политическим выводам³⁵.

Все эти уточнения, однако, ни в коей мере не умаляют значения, ценности и выгоды для пролетариата мирного развития революции на той или иной ее стадии и не опровергают энергичной борьбы Ленина и большевистской партии за такой путь развития революции в первой половине 1917 года.

Каково же было направление этой борьбы, как мыслился Лениным и партией процесс мирного развития революции?

³³ В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 45—46.

³⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 342.

³⁵ См. весьма поучительную в этом отношении речь Яноша Кадара на митинге дружбы между народами Советского Союза и Венгерской Народной Республики. «Правда», 28 марта 1957 года.

В ленинских высказываниях о мирном развитии следует различать два тезиса или две стороны вопроса, хотя и неразрывно между собой связанные, однако не тождественные.

Ленин неоднократно подчеркивал: пока буржуазия удерживает власть не благодаря насилию, а благодаря недостаточной сознательности и организованности революционных классов, единственно возможной тактикой является тактика терпеливой разъяснительной работы, мирной, в рамках демократической легальности, борьбы за ликвидацию меньшевистско-эсеровского влияния, за завоевание большинства. «Чтобы стать властью, — писал он, — сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти»³⁶.

Ленин указывал, что при таком положении применение насилия со стороны находящегося в меньшинстве революционного авангарда было бы бланкизмом, тактикой, недопустимой и пагубной для дела революции, что поэтому большевики при данных условиях и не помышляют о насилии, что грязной клеветой являются исходящие из вражеского лагеря обвинения большевиков в «проповеди насилия»³⁷. Он писал, что «до тех пор, пока капиталисты не перешли к насилию... до тех пор наша партия будет проповедывать отказ от насилия вообще...»³⁸.

«Вы пережили 1905 и 1917 годы, — говорил Ленин, обращаясь к делегатам I Всероссийского съезда Советов 4 июня 1917 года, — вы знаете, что революция по заказу не делается, что революции в других странах делались кровавым тяжелым путем восстаний, а в России нет такой группы, нет такого класса, который бы мог сопротивляться власти Советов. В России эта революция возможна, в виде исключения, как революция мирная»³⁹.

Совершенно очевидно, что все эти высказывания непосредственно ориентируют на мирное развитие революции, и поскольку именно таким путем шло развитие с момента свержения самодержавия до июльских дней, этот период вошел в историю как период мирного развития революции.

Но дело заключалось не только в том, что для применения насилия по отношению к буржуазии, для вооруженного восстания условия еще не были подготовлены и что поэтому большевики, сосредоточив усилия на разъяснительной работе, пропаганде и организации масс, вели борьбу за развитие революции мирными методами. Новое и своеобразное в высказываниях Ленина о мирном развитии революции заключалось в признании возможности в данной ситуации пройти «мирно» не только отрезок пути, но весь путь к власти, в том, разумеется, непримиримо враждебном реформизму понимании мирного развития, о котором было сказано выше.

Именно эта сторона вопроса особенно важна для понимания ленинского плана мирного развития революции.

Каков же был возможный ход этой мирной революции?

Ближайшим этапом ее, предусмотренным ленинским планом, являлась ликвидация двоевластия и переход всей полноты власти к Советам.

«Лозунг: «переход всей власти к Советам» был лозунгом ближайшего шага, непосредственно осуществимого шага на этом мирном пути развития. Это был лозунг мирного развития революции...»⁴⁰, — писал Ленин.

Речь шла на этом этапе о переходе власти к меньшевистско-эсеровским Советам, поскольку таким, по преобладающему в них составу, бы-

³⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 21.

³⁷ См. там же, стр. 85.

³⁸ Там же, стр. 134.

³⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 9. См. также Т. 24, стр. 136.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 164—165.

ло большинство Советов в центре и на местах, таким был и Центральный исполнительный комитет Советов. Именно это означал лозунг «Вся власть Советам!» в период до июльских дней.

Осуществление этого лозунга предполагало отказ эсеров и меньшевиков от политики поддержки буржуазного Временного правительства и соглашения с ним, разрыв с кадетами и установление на известный период некоего единого фронта демократических сил во главе с революционным пролетариатом.

Созданное Советами новое правительство являлось бы по своему классовому содержанию «революционно-демократической диктатурой рабочих и крестьян», новым, осуществившимся в более «чистом» виде этапом ее по пути к диктатуре пролетариата. Но это было бы, по объективной логике развития, как указывал В. И. Ленин, уже не «прошлое», не вчерашний день революционно-демократической диктатуры, а ее «будущее», обращенное к завтрашнему дню — к диктатуре пролетариата, к социализму.

Несмотря на неизбежность колебаний эсеро-меньшевистского блока между пролетариатом и буржуазией, несмотря на то, что образование нового правительства из партий советского большинства не означало бы еще полной ликвидации господства буржуазии, поскольку она сохраняла бы пока свои экономические позиции, влияние, связи и т. д., такой шаг явился бы актом огромного политического значения. Это была бы серьезная победа революции на пути ее мирного перерастания в социалистическую.

Поскольку эта победа была бы достигнута в результате осуществления лозунга, выдвинутого большевиками, под их прямым воздействием и притом мирным и безболезненным путем, она неизбежно должна была бы привести к дальнейшему возрастанию авторитета большевистской партии и притягательной силы ее лозунгов в массах.

И ленинский план не ограничивался начальным этапом развития; он предусматривал возможность и дальнейшего движения вперед и следующий этап перерастания демократической революции в социалистическую мирным путем.

В статье «К лозунгам», продолжая мысль о возможности мирного взятия власти Советами, Ленин писал: «Это еще не все. Мирное развитие было бы тогда возможно, даже также в том отношении, что борьба классов и партий внутри Советов могла бы тогда, при условии своевременного перехода к ним всей полноты государственной власти, уживаться наиболее мирно и наиболее безболезненно.

...главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия, идти мирно...»⁴¹.

В глубоко демократическом характере Советов как органов власти, в теснейшей, свободнорастущей вширь и вглубь⁴² связи с массами Ленин видел предпосылку их здорового развития.

И действительно. Жизнь властно диктовала быстрое и решительное осуществление мероприятий, предложенных большевиками, указывавших единственный реальный выход из создавшегося положения. С каждым днем эти мероприятия приобретали все более актуальный характер и воплощались в конкретные, практические, понятные массам лозунги. Жизнь требовала немедленно прекратить войну и удовлетворить требования крестьянства о земле. Жизнь требовала: преодолеть саботаж и подчинить капиталистов рабочему контролю, с помощью рабочего контроля выявить и подорвать бешеные прибыли капиталистов, отменить коммерческую тайну, провести принудительное синдицирование промышленников и торговцев, объединить и национализировать банки, национализировать синдикаты,

⁴¹ Там же, стр. 165.

⁴² См. там же.

повести решительную борьбу с казнокрадством, наконец, обезвредить — разоружить и распустить — контрреволюционные организации буржуазии и слуг старого режима.

В политической борьбе, которая неизбежно должна была развернуться внутри Советов вокруг осуществления этих неслужных мероприятий, происходила бы дальнейшая перегруппировка сил и развитие революции.

Актуальная, конкретная, требующая немедленного действия агитация большевиков, выбивая почву из-под ног меньшевиков и эсеров, ускорила бы процесс их разоблачения.

Поскольку эти партии под давлением масс, все в большей степени воспринимавших большевистские лозунги, вынуждались бы к проведению того или иного направленного на ограничение буржуазии мероприятия, — это был бы шаг вперед.

Поскольку же они противодействовали бы этим мерам, толклись на месте или шли на новые уступки буржуазии, — а именно такое их поведение можно было ожидать — они разоблачали бы себя перед массами, теряли влияние, и это означало бы развитие революции по мирному пути.

Установка Ленина на мирное развитие революции в 1917 г. предусматривала, таким образом, возможность мирного перерастания демократической революции в социалистическую, возможность установления диктатуры пролетариата мирным путем.

Следует отметить, что это чрезвычайно важное и политически актуальное ленинское положение не получило должного освещения в исторической литературе, как, впрочем, и проблема в целом.

В ряде опубликованных до XX съезда партии работ, посвященных революции 1917 г.⁴³, освещение вопроса о мирном развитии, как правило, сведено к изложению известной краткой формулировки «Краткого курса истории ВКП(б)», которая уже в силу своей сжатости не могла, конечно, объять весь круг идей, все элементы ленинского плана, определяя лишь основную его задачу⁴⁴. Вместо того, чтобы в специальных исследованиях развить и конкретизировать это краткое определение и прежде всего привлечь первоисточники — многочисленные высказывания В. И. Ленина и документы партии, — авторы ограничивались его повторением.

Вследствие недооценки места и значения этого вопроса втуне оставался крупный раздел ленинского идейного наследия, представляющий, как это в настоящее время особенно ясно, большой теоретический и политический интерес.

Но совершенно недопустимыми следует признать аналогичные или еще более схематичные высказывания в работах, опубликованных после XX съезда, который, как известно, уделил большое внимание проблеме мирного развития революции и решительно потребовал всемерного усиления борьбы с догматизмом и начетничеством.

Упрощенческая трактовка вопроса о мирном развитии революции дана в статье Э. Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года», уже подвергнутой критике по целому ряду других направлений⁴⁵. А в работе М. В. Фещенко, специально посвященной теоретическим вопросам, поставленным XX съездом партии, утверждается, что сущность мирного развития революции сводилась якобы Лениным к критике и разъяснению ошибок и что «этой установкой В. И. Ленин стремился в изменившихся конкретных исторических условиях применить положение

⁴³ См., например, Н. Яковлев. Великая Октябрьская социалистическая революция. М. 1946; Б. Степанов. Как партия большевиков готовила и провела Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Алма-Ата. 1948; статья о Великой Октябрьской социалистической революции в БСЭ (изд. 1, т. 43, стр. 42; изд. II, т. 7, стр. 137); диссертации К. Дегтярева, И. Хавронина, М. Феоктистовой и ряд других.

⁴⁴ См. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 178.

⁴⁵ «Тактика большевиков в этих условиях, — говорится в статье, — должна была состоять в том, чтобы изменить политику Советов, а через Советы изменить состав и политику правительства» («Вопросы истории», 1956, № 4, стр. 51).

Маркса и Энгельса о возможности мирного захвата власти рабочим классом, используя буржуазно-демократические свободы в интересах подавляющего большинства населения»⁴⁶. Вряд ли требуется доказывать, что таким определением автор не приближает читателя к пониманию вопроса, а затемняет его суть и, по существу, смазывает революционное содержание ленинского плана.

Продолжим, однако, его рассмотрение.

Определяя возможный ход событий, Ленин учитывал также и фактор времени, придавая ему первостепенное значение. В политической борьбе, как и на войне, важно не только то, произойдет ли ожидаемое событие, но и когда именно, в какие сроки оно совершится. Особое значение приобретает фактор времени в периоды революционных кризисов, когда дни стоят месяцев и лет, и время, упущенное одной стороной и выигранное другой, может определить исход борьбы.

Поэтому Ленин постоянно подчеркивал роль этого фактора, указывая, что возможность мирного развития революции существует только при данном конкретном соотношении классовых сил, пока оно сохраняется, «пока буржуазия не применила насилия», при условии «своевременного перехода государственной власти к Советам», своевременного использования данной исключительной и особо благоприятной ситуации.

Важнейшее условие мирного развития — отсутствие насилия со стороны буржуазного Временного правительства — обуславливалось прежде всего тем, что правительство не имело собственных, непосредственно и только ему подчинявшихся, «верных» вооруженных сил. Но это вовсе не означало, что такое положение будет сохраняться в течение длительного времени.

Ленин предвидел неизбежность попыток буржуазии объединить реакционные элементы — слуг старого режима: царский генералитет, контрреволюционную часть офицерства, юнкеров, полицейских и жандармов, верхушку казачества, «золотую молодежь», черную сотню, любые подонки общества — для того, чтобы возможно скорее организовать «свою», надежную вооруженную опору и использовать «неразложившиеся» еще воинские части, которых становилось все меньше и меньше. Он внимательно следил за деятельностью Временного правительства, Ставки и контрреволюционных общественных организаций (буржуазии, офицерства и т. д.) в этом направлении, постоянно предупреждая о зреющей опасности.

Ленин указывал, что если эта активность не будет своевременно пресечена переходом власти к Советам и их решительными действиями против организующихся сил контрреволюции, то возникнет прямая угроза революции, а исключительно благоприятная возможность мирного ее развития будет упущена, и неизбежно разразится гражданская война.

С другой стороны, реализация возможности мирного развития в большой степени зависела от позиции эсеро-меньшевистского блока, имевшего большинство в местных Советах и в ЦИК.

Допуская возможность хотя бы временного разрыва соглашателей с буржуазией, Ленин, разумеется, меньше всего рассчитывал на изменение позиции лидеров и функционеров этих партий. Меньшевики прочно зарекомендовали себя как агентура буржуазии и главный в ту пору враг большевизма в рабочем движении. Аналогичную роль играли эсеры в крестьянстве. Их позиция по вопросу о войне, об отношении к Временному правительству, по всем коренным вопросам революции была продолжением давно сложившейся политической линии, по существу, означавшей прямое прислужничество буржуазии и предательство интересов революции.

⁴⁶ М. В. Фещенко «XX съезд о некоторых принципиальных вопросах современного международного развития». Харьков, 1957, стр. 36—37.

Ленин последовательно и беспощадно разоблачал меньшевиков и эсеров, решительно боролся против всяких объединительных тенденций и считал полную ликвидацию влияния и изоляцию этих партий от масс важнейшей предпосылкой победы социалистической революции.

Но, как отмечалось в выступлениях делегатов с мест на Апрельской конференции, массы были левее Советов, а Советы левее своих президиумов. Нередко рядовые члены партий меньшевиков и эсеров, особенно из числа рабочих и деревенской бедноты, а также сочувствовавшие им беспартийные, при всей своей непоследовательности и колебаниях, готовы были идти гораздо дальше своих вожаков, и борьба за этих людей в ряде случаев давала положительный результат.

Под воздействием большевиков и давлением снизу некоторые Советы, особенно в промышленных районах страны — на Урале, в Донбассе и других, — как известно, осуществляли далеко идущие революционные мероприятия: вводили 8-часовой рабочий день, организовывали контроль над производством, добивались повышения заработной платы, фактически устанавливали свое единовластие.

Все эти объективные факты давали основание допускать, что Советы, хотя и находившиеся под эсеро-меньшевистским влиянием, пойдут дальше и под нарастающим с каждым днем энергичнейшим напором снизу, под прямым давлением избирателей откажут в поддержке Временному правительству и возьмут власть в свои руки.

Таким образом, реализация возможности мирного развития зависела не только от революционного пролетариата и его партии (хотя правильный стратегический и тактический курс ее был весьма важным политическим фактором), но также и от факторов, не зависевших от них: во-первых, от того, удастся ли все-таки побудить меньшевиков и эсеров пойти на разрыв с кадетами и взять власть; во-вторых, от того, окажутся ли они способными совершить этот акт своевременно, то есть прежде, чем организация сил контрреволюции снимет, сорвет возможность мирного перехода власти к Советам.

Конечно, не исключен был и такой вариант развития: не меньшевистско-эсеровские, а уже освободившиеся от влияния соглашателей большевистские Советы мирным путем берут власть. Но это предполагало, что большевики добьются преобладания в Советах еще до того, как буржуазное Временное правительство окажется в состоянии применить против них силу. Следовательно, такое развитие событий также зависело и от темпа большевизации Советов и от темпа формирования агрессивных контрреволюционных сил буржуазии, то есть от фактора времени, точному прогнозу не поддававшегося.

Поэтому Ленин, имевший в виду и такую возможность, в период до июльских дней исходил, однако, не из мыслимого в перспективе, а из существующего положения, когда в Советах преобладали меньшевики и эсеры и решение вопроса о взятии власти Советами непосредственно зависело от них.

Учитывая всю расстановку классовых сил, всю совокупность факторов, определявших развитие, в их сложном взаимодействии, Ленин пришел к выводу, что мирный путь развития революции реально возможен.

Но, признавая возможным, осуществимым в данных условиях мирный путь развития революции и на определенном этапе ориентируя партию на борьбу за этот путь, Ленин при каждом повороте событий трезво и реалистически определял степень вероятности его осуществления. Учитывая и взвешивая меняющееся соотношение сил, соотношения зависевших и не зависевших от пролетариата факторов, Ленин (это следует подчеркнуть) никогда не переоценивал вероятности мирного развития, не ориентировал партию на его осуществление во что бы то ни стало, не связывал тактику партии исключительно с этой возможностью, не превращал ее осуществление в самоцель.

Решающим условием победы социалистической революции было «немедленное, решительное, бесповоротное отделение пролетарских, коммунистических элементов движения от мелкобуржуазных», и решению этой основной стратегической задачи была подчинена тактика партии на всех этапах революции, в том числе, конечно, и на этапе мирного развития.

В том, что пролетариат освободится от эсеро-меньшевистского влияния, примет безраздельное руководство Коммунистической партии, полностью осуществит свою роль гегемона социалистической революции, поведет за собой беднейшее крестьянство и тем или иным — мирным или насильственным — путем придет к власти, в этом не могло быть сомнений. Это было не только возможным или вероятным; это было объективно неизбежным; более того, это начинало уже становиться действительностью.

Глубоко обоснованная большевистская политика зиждилась, строилась именно на этих закономерных и уже определившихся процессах.

А в вопросе о том, удастся ли обеспечить приход пролетариата к власти именно мирным путем, хотя возможность такого решения на известном этапе, безусловно, была, — в этом вопросе нельзя было опереться на столь же закономерные, определившиеся, очевидные процессы. Для того, чтобы установить, что такой путь реально возможен и что партия должна попытаться его осуществить, поскольку он благоприятен, выгоден, ценен, — для такого утверждения было достаточно оснований, и Ленин исчерпывающе это доказал.

Но для того, чтобы установить обеспеченность или хотя бы такую высокую степень вероятности мирного пути, которая позволила бы только на него ориентироваться, исключив другую возможность, приостановив, замедлив или даже отказавшись от подготовки другого — насильственного — пути, для такой линии не было достаточных оснований, и Ленин предупреждал против нее партию. Он допускал, что меньшевистско-эсеровские Советы под давлением масс вынуждены будут взять власть, но, разумеется, был далек от уверенности в том, что это произойдет, далек от того, чтобы делать ставку исключительно на такой ход событий.

Он допускал возможность установления особой, не связанной с буржуазией революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, но подчеркивал при этом, что это «неизвестно», что оснований для уверенного, научного прогноза такого развития нет и что поэтому базировать тактику на такой перспективе нельзя. В «Письмах о тактике» В. И. Ленин писал: «Неизвестно, может ли теперь быть еще в России особая «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», оторванная от буржуазного правительства. На неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя»⁴⁷.

В этих положениях — методологический ключ вопроса.

Продолжая развивать свою мысль, Ленин отмечал: «Но если это может еще случиться, то путь к этому один и только один: немедленное, решительное, бесповоротное отделение пролетарских, коммунистических элементов движения от мелкобуржуазных... Только сплочение пролетариев, на деле, а не на словах свободных от влияния мелкой буржуазии, способно сделать такой «горячей» почву под ногами мелкой буржуазии, что ей при известных условиях придется взять власть...»

Кто отделяет сейчас же, немедленно и бесповоротно, пролетарские элементы Советов (т. е. пролетарскую, коммунистическую, партию) от мелкобуржуазных, тот правильно выражает интересы движения на оба возможных случая: и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии «диктатуру пролетариата и крестьянства», и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т. е. до социализма) колебаться между нею и нами»⁴⁸.

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 31.

⁴⁸ Там же, стр. 31—32.

Нельзя забывать этого указания Ленина!

Важная особенность тактики партии на доиюльском этапе заключалась в том, что эта тактика была рассчитана на мирный путь развития революции, но в то же время партия учитывала возможность и другого, немирного пути установления диктатуры пролетариата.

Гений Ленина вооружил партию мудрой, гибкой, маневренной, инициативной, построенной на всестороннем диалектическом охвате всех сторон объективной действительности политикой.

Активная деятельность партии по вооружению пролетариата, развернутая, как известно, уже в период мирного развития, была рассчитана на две возможности. С одной стороны, вооружение пролетариата, умножая реальную силу революционных классов, повышало шансы мирного перехода власти к Советам. С другой стороны, вооружение было необходимо как «единственная серьезная реальная гарантия» против контрреволюционных поползновений буржуазии, в предвидении необходимости вооруженной борьбы в случае, если мирный путь не осуществится или осуществится на ближайшем этапе, но будет сорван на одном из последующих.

Основной лозунг партии «Вся власть Советам!», синтезировавший, по существу, всю политику партии в период до июльских дней, являлся призывом к массам побудить меньшевистско-эсеровские Советы мирным, пока это возможно, путем взять власть. Этот лозунг тогда непосредственно и означал мирный путь, мирное развитие революции.

Но из этого вовсе не следует, что он только на эту возможность и был рассчитан. Лозунг «Вся власть Советам!» великолепно «обслуживал» и другой возможный ход развития революции.

Поскольку массы на собственном опыте убеждались в жизненности, неоспоримой правильности этого лозунга большевиков, а эсеры и меньшевики продолжали свою предательскую политику поддержки правительства капиталистов и отказывались от передачи власти Советам, они с каждым днем все более разоблачали свое лицо и изолировали себя от масс. А этот процесс, другой стороной которого являлся рост влияния большевиков, означал формирование политической армии социалистической революции и неотвратимо вел к завоеванию власти уже не эсеро-меньшевистскими, а большевистскими Советами, готовыми и способными выполнить эту задачу и в процессе вооруженной борьбы, если изменившиеся к тому времени условия снимут возможность мирного развития и потребуют применения революционного насилия.

Как известно, с некоторым своеобразием исторически осуществился именно этот путь развития, и есть основание полагать, что Ленин всегда считал его наиболее вероятным.

Правильность, эффективность и глубокая научная обоснованность принятого партией ленинского курса на мирное развитие подтверждены всей историей революции.

С наибольшей отчетливостью это выясняется при рассмотрении вопроса на узловых, кризисных моментах развития революции, когда с особой выпуклостью вырисовывалась расстановка классовых сил и выявлялись те изменения в их соотношении и позиции, которые обуславливали возможность мирного развития или, напротив, невозможность его и неизбежность самых острых форм классовой борьбы.

Как известно, первым таким кризисом была демонстрация 20—21 апреля, явившаяся ответом на знаменитую ноту Миллюкова, первым стихийно прорвавшимся взрывом «недовольства, нетерпения и возмущения масс» политикой буржуазного Временного правительства.

Исходя из ленинской установки на мирное развитие и прямых ука-

заний Центрального Комитета, большевики, приняв участие в демонстрации, стремились придать ей мирный и организованный характер.

Однако Богдатыев, стоявший тогда во главе Петроградского комитета партии, и некоторые другие члены комитета взяли «левее» ленинской линии. Вместо лозунга «Вся власть Советам!», который отнюдь не означал тогда призыва к вооруженному свержению Временного правительства, они дали лозунг немедленного свержения правительства, и этот лозунг был подхвачен известной частью демонстрантов. В результате установка партии едва не была сорвана.

Буржуазия, несмотря на свою явную тогда еще слабость, отважилась на первую вылазку против революции. Под руководством кадетов была организована контрдемонстрация с участием чиновничества, офицерства, представителей торгово-промышленных кругов. Некоторые участники демонстрации были вооружены. Были случаи нападения на рабочих, стрельбы. Генерал Корнилов, командовавший тогда Петроградским военным округом, сделал попытку пустить в ход артиллерию и 21 апреля отдал приказ о выводе на Дворцовую площадь двух артиллерийских батарей (приказ остался неисполненным). В столице создалось обоюдострое напряженное положение, чреватое вооруженным столкновением и кровопролитием.

И только благодаря тому, что безупречно правильный и четкий ленинский курс на мирное развитие возобладал и подавляющее большинство демонстрантов поддержало призыв партии о мирном и организованном характере выступления, кровопролитие было предотвращено, движение удержалось в мирном русле.

Центральный Комитет партии решительно осудил линию Богдатыева и его сторонников из Петроградского комитета как линию по существу авантюристическую, противоречивую установке партии на мирное развитие.

В заключительном слове по докладу «О текущем моменте» на Апрельской конференции Ленин говорил: «Мы дали лозунг мирных демонстраций, а некоторые товарищи из Петербургского комитета дали лозунг иной... Мы говорим, что лозунг «долой Временное правительство» — авантюристский, что свертать сейчас правительство нельзя, поэтому мы дали лозунг мирных демонстраций... а ПК взял чуточку левее, что в данном случае есть, конечно, чрезвычайное преступление»⁴⁹.

Результатом апрельской демонстрации, как известно, явилась отставка Милокова и Гучкова, означавшая первый кризис Временного правительства.

Ленин указывал, что в этот момент Временное правительство было на краю гибели, что «одного слова народнических и меньшевистских вождей Совета было достаточно, чтобы правительство беспрекословно сдало свою власть...»⁵⁰.

«Всем стало до очевидности ясно, что правительство держаться не может», — писал он несколько месяцев спустя — «Советы могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны. Вместо этого эсеры и меньшевики поддерживали падающее правительство капиталистов, запутали себя еще больше соглашательством с ним, сделали еще более роковые, ведущие к гибели революции, шаги»⁵¹. Эта ленинская оценка положения, полностью разделявшаяся Центральным Комитетом партии, была подтверждена VI съездом и зафиксирована в резолюции по докладу И. В. Сталина «О политическом положении». «Первый же кризис, разразившийся 20—21 апреля, — записано в этой резолюции, — неминуемо привел бы к падению буржуазного Временного правительства и к мирному переходу власти в руки Со-

⁴⁹ Там же, стр. 214.

⁵⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 44.

⁵¹ Там же, стр. 212.

ветов, если бы вожди их, эсеры и меньшевики, не спасли правительства капиталистов, связав с его судьбой Советы под видом коалиционного министерства»⁵².

Таким образом, в момент первого политического кризиса партии мелкобуржуазной демократии вместо приближения к позиции революционного пролетариата и использования редкой и благоприятной возможности мирного развития революции сделали еще один шаг в сторону контрреволюционной буржуазии, укрепляя реакцию и уменьшая тем самым возможность мирного развития.

Буржуазия продемонстрировала свою решимость бороться с революцией и ускорила организацию сил контрреволюции. Но она еще была слаба для того, чтобы по-настоящему применить насилие. Недаром генералу Корнилову, не сумевшему заставить артиллеристов открыть стрельбу по демонстрантам, пришлось пока уйти в отставку.

Идет предвиденный гениальным Лениным процесс поляризации сил. Но на данной стадии он еще далеко не завершен. Не исчерпана еще возможность мирного развития, и партия не только сохраняет, но еще настойчивее продолжает борьбу за реализацию этой возможности.

Второй кризис — июньская демонстрация — дает новую проверку курса на мирное развитие и новый материал для его конкретизации.

Чтобы дать организованное выражение неудержимо нараставшему недовольству масс и сделать еще одну попытку побудить меньшевистско-эсеровские Советы взять власть в свои руки, ЦК партии совместно с Петроградским комитетом, по предложению Ленина, решили организовать в период происходившего тогда I съезда Советов мирную демонстрацию питерских рабочих и солдат. Она была назначена на 10 июня.

В указаниях Центрального Комитета подчеркивался мирный характер демонстрации. В связи с запросами, поступавшими от солдат, было вынесено специальное постановление: «С оружием не выходить!».

Но меньшевики и эсеры, смертельно боявшиеся роста большевистского влияния в Питере и понимавшие, что организуемая большевиками демонстрация ускорит его, добились решения I съезда Советов, на котором они были в большинстве, о запрещении демонстрации.

Партия и в данном случае проявила мудрую выдержку, не поддавшись на провокацию и не дала сбить себя с курса: вечером 9 июня ЦК большевиков принял решение подчиниться постановлению съезда и временно отменить демонстрацию.

В проекте заявления ЦК и бюро фракции большевиков съезду Советов по поводу запрещения демонстрации был еще раз подтвержден большевистский курс на мирное развитие революции и повторено уже сделанное Лениным на съезде Советов предложение о взятии власти Советами⁵³, несмотря на то, что они находились «в руках оборонческих и враждебно относящихся к партии пролетариата партий меньшевиков и социалистов-революционеров»⁵⁴.

Как известно, соглашательские партии, учитывая настроение масс и пытаясь вырвать инициативу из рук большевиков, решили сманеврировать: съезд Советов назначил на 18 июня новую демонстрацию. Но эта демонстрация, в которой участвовало более четырехсот тысяч петроградских рабочих и солдат, прошла вопреки воле ее «организаторов» с подавляющим преобладанием большевистских лозунгов. Она ярко свидетельствовала о дальнейшем значительном полевении пролетариата и гарнизона столицы и исключительной популярности лозунга о переходе власти к Советам.

Однако меньшевики и эсеры снова отказались выполнить настоячи-

⁵² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 374.

⁵³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 3—14.

⁵⁴ Там же, стр. 60.

вое требование революционных масс, по-прежнему еще открывавшее возможность мирного, исключительно благоприятного развития революции. Более того, они еще крепче связали себя с буржуазией, объявив о полной поддержке нового наступления на фронте, начатого как раз в день демонстрации — 18 июня.

А сама буржуазия, не решившаяся, не готовая еще 18 июня к выступлению против мирной демонстрации, продвинулась, однако, к этому времени значительно вперед в самоорганизации и собирании контрреволюционных сил. Систематически происходят конспиративные «частные» совещания членов Государственной думы, в мае и июне созываются конференции и съезды торгово-промышленных и земледельческих кругов, в течение 8 дней заседает VIII съезд ведущей партии российской буржуазии — кадетов. Открыто формулируемой целью всех этих совещаний и съездов являлась выработка платформы для создания единого буржуазно-помещичьего фронта, сплочение всех сил контрреволюции⁵⁵.

Столь же интенсивно происходит мобилизация сил контрреволюции среди офицерства, ряд организаций которого («Военная лига», «Союз георгиевских кавалеров», «Союз воинского долга», «Союз шести и родины» и др.), по свидетельству Деникина, субсидировался промышленными кругами. Эти организации поддерживали тесную связь со Ставкой, активно готовясь к решительному контрреволюционному удару⁵⁶.

Все это означало, что к моменту июньского кризиса произошли дальнейшие существенные сдвиги в расстановке классовых сил. Анализ их дал Ленину основание для новой оценки возможного хода развития революции, нового политического прогноза, новых партийных решений.

Все настойчивее Ленин подчеркивает, что зреет контрреволюционный заговор буржуазии, готовящей насилие против революционного пролетариата, все резче оценивает колебания и предательскую роль соглашательских партий, предсказывая неизбежный их крах⁵⁷.

Мирный период развития революции еще не полностью завершен, возможность мирного пути пока еще не исчерпана, необходимо продолжать за нее борьбу. Но вероятность осуществления мирного варианта развития явно уменьшилась, и Ленин 11 июня в речи на заседании Петроградского комитета партии по поводу отмены демонстрации отметил это обстоятельство, указав, что теперь «мирные манифестации — это дело прошлого»⁵⁸. Решения заседавшей 16—23 июня (ст. ст.) Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) отчетливо выразили происшедшие сдвиги и то новое в ситуации, что заставляло, не сдвигая установки на мирное развитие, с особой силой подчеркнуть задачу дальнейшего усиления военной работы партии и работы по вооружению рабочих, с первых дней революции поставленную Лениным в центр внимания партии⁵⁹.

Третий, июльский, кризис, разразившийся менее чем через три недели, явился завершением мирного периода развития революции 1917 года.

Как известно, события 3—5 июля были взрывом возмущения масс в ответ на июньское наступление на фронте, предпринятое буржуазным Временным правительством при поддержке социал-соглашателей.

Движение возникло стихийно, вопреки активным попыткам партии удержать массы от преждевременных действий. В связи с начавшимся 3 июля выступлением солдат петроградского гарнизона Петроградская общегородская конференция партии указала на его несвоевременность, и

⁵⁵ См. «Стенографический отчет частных совещаний членов Государственной думы IV созыва». П. 1917; «Буржуазия и помещики в 1917 году». Сборник. М.-Л. 1932.

⁵⁶ См. генерал А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. II. Париж. 1922. стр. 27—28.

⁵⁷ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 92, 100 и др.

⁵⁸ Там же, стр. 63.

⁵⁹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 355, 356, 358.

делегаты конференции немедленно разошлись по районам, чтобы убедить рабочих и солдат не выступать. Но когда выяснилось, что удержать массы невозможно, было решено принять участие в выступлении, чтобы придать ему мирный, организованный характер и воспрепятствовать провокациям контрреволюции. Линия на удержание движения в мирных рамках, на предотвращение самоочищенных, неорганизованных действий и захватов проводилась большевиками твердо и последовательно.

Разоблачая клевету и злословие буржуазии и ее агентов и анализируя факты движения 3 и 4 июля, Ленин указывал, что «ни одной не только частью города, но ни одним зданием, ни одним учреждением большевики, несмотря на вооружение масс, не овладели (хотя могли овладеть) и не пытались овладеть... Большевики призвали солдат, начавших выступление, к мирному и организованному действию»⁶⁰. Именно так, выполняя партийную директиву, ставили вопрос руководящие деятели большевистской партии. Я. М. Свердлов в статье, посвященной июльским дням, особо оттенил эту сторону — последовательную борьбу большевиков за сохранение мирного характера движения, за исчерпание возможности мирного развития в соответствии с принятым курсом⁶¹. Расширенное совещание ЦК, состоявшееся вскоре после июльских дней (13—14 июля ст. ст.), подводя итоги недавним событиям, указало, что «партия, несмотря на все попытки предупредить готовящийся стихийный взрыв, была поставлена перед фактом выступления» и, как массовая партия революционного пролетариата, «она должна была вмешаться в стихийный ход событий в целях придания движению организованного и мирного характера»⁶².

Несмотря на то, что большевики вели последовательную линию на мирное развитие и не собирались первыми применить оружие, буржуазия стала на путь подавления демократических свобод и открытого насилия над народом.

Расстрел демонстрации, разгром редакций и закрытие большевистских газет, травля и аресты деятелей партии, угроза судебной расправы над Лениным, разоружение рабочих и вывод из столицы революционных частей петроградского гарнизона — все эти акты насилия, осуществленные контрреволюционной буржуазией при прямой поддержке меньшевистско-эсеровского ЦИК Советов, означали резкое изменение ситуации. Они означали, что условия мирного развития, существовавшие в течение первых нескольких месяцев революции, теперь, в результате агрессивных действий буржуазии, отпали.

Ленин с поразительной точностью вскрыл сущность и значение происшедших изменений и предложил внести изменение в тактику партии в соответствии с новым положением. Он писал: «Движение 3 и 4-го июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т. е. господствующие в них эсеры и меньшевики, фактически передают власть контрреволюции, вызывая контрреволюционные войска в Питер, разоружая и расформировывая революционные полки и рабочих, одобряя и терпя произвол и насилия против большевиков, введение смертной казни на фронте и т. д.

Теперь военная, а следовательно, и государственная власть фактически уже перешла в руки контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция»⁶³.

⁶⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 142.

⁶¹ См. Я. М. Свердлов. Избранные статьи и речи 1917—1919 гг. ОГИЗ. 1944. стр. 27.

⁶² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. I, стр. 368.

⁶³ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 195—196.

Лозунг «Вся власть Советам!», правильный в период до перехода власти к контрреволюционной буржуазии, до окончательного предательства меньшевистско-эсеровских лидеров с Церетели и Черновым во главе, до превращения Советов и соглашательских партий в придаток контрреволюционной буржуазии, в новых условиях стал неверным, и потому Ленин предложил его временно снять: «Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5—9 июля, т. е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле»⁶⁴.

В новых условиях вооруженное восстание стало единственным реальным путем к власти, и Ленин выдвинул основной ближайшей задачей подготовку восстания для свержения буржуазного Временного правительства и установления власти рабочего класса в союзе с беднейшим крестьянством. На VI съезде партии против ленинских установок, против предложения о временном снятии лозунга «Вся власть Советам!» выступали Преображенский, Ногин, Юренев и др., стоявшие на оппортунистических позициях, чуждые мудрой ленинской диалектике. Но съезд отверг возражения оппортунистов и, исходя из ленинских указаний, принял по докладу И. В. Сталина «О политическом положении» резолюцию, в которой отметил, что «в настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии»⁶⁵. Исходя из тех же ленинских указаний, съезд нацелил партию на подготовку вооруженного восстания.

Однако, придя к выводу о том, что мирный путь развития в связи с изменением условий отпал, Ленин не превратил этот вывод в догму, не зарекся от возможности возникновения в ходе революции аналогичных условий вновь.

Вопреки часто встречающемуся утверждению, ограничивающему борьбу Ленина и партии за мирный путь развития рубежом июльских дней, вопрос этот, хотя и кратковременно и при иной ситуации, возникал и в дальнейшем, на новом этапе развития, наступившем после июльских дней.

Условия, давшие основание Ленину вновь поставить вопрос о возможности мирного перехода власти к Советам (в которых в тот момент еще преобладали соглашатели), возникли в связи с корниловщиной.

Заговор Корнилова привел к полному разоблачению контрреволюционной буржуазии и кадетов, дал новый могучий импульс развитию революции, вызвав невиданный подъем в массах, оживление деятельности демократических организаций, дальнейшее сплочение революционных сил под лозунгами большевиков, огромный рост их авторитета.

Партия возглавила движение масс за отпор и сокрушение контрреволюционных заговорщиков и добилась исключительных успехов. Большая часть полков петроградского гарнизона изъявила желание выступить для обороны подступов Петрограда. По призыву Центрального Комитета большевиков из Кронштадта на помощь революционному Петрограду прибыли боевые отряды матросов. Рабочие Путиловского и других заводов столицы не покидали предприятий по несколько смен, форсируя изготовление вооружения — орудий, бронемашин, боеприпасов — для революционных частей.

Находившиеся после июльских дней в подполье отряды Красной

⁶⁴ Там же, стр. 158.

⁶⁵ «Протоколы VI съезда РСДРП(б)». М. 1934, стр. 240, а также «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 376.

гвардии были, по ультимативному требованию большевиков, легализованы, и в ряды их влились новые десятки тысяч рабочих. Численность вооруженных красногвардейцев, революционных солдат гарнизона и матросов Балтийского флота, направленных на подавление корниловского мятежа, достигла 60 тысяч — втрое больше, чем у заговорщиков.

Все это означало, что ослабленная июльским поражением материальная сила революционных масс была восстановлена и умножена, вновь став могущественным фактором развития революции.

Перед лицом непосредственной угрозы военно-бонапартистского переворота, направленного против всех демократических организаций, в связи с полной дискредитацией замешанных в заговоре кадетов и прежде всего под напором масс на какое-то историческое мгновение поколебались влево эсеры и меньшевики.

В течение нескольких дней в речах и газетах эсеров и меньшевиков раздавались заявления о разрыве с кадетами и недопустимости коалиции с ними, заверения в том, что вместе с большевиками они будут сражаться против Корнилова. Многие рабочие — члены этих партий или сочувствующие им — действительно участвовали вместе с большевиками в организации обороны против контрреволюционных мятежников. Меншевикско-эсеровский ЦИК Советов создал «Комитет народной борьбы с контрреволюцией», в который вошли и большевики.

Это означало, что в дни корниловского мятежа под руководством рабочего класса сложилось, хотя и кратковременное и относительное, единство рабочего класса и мелкобуржуазной демократии, образовался единый фронт, умноживший силы революции.

В статье «О революционном фронте» И. В. Сталин отмечал этот факт. «Почему сложилось единство так легко и просто в дни корниловского восстания? — писал он. — Потому, что оно возникло тогда не в результате нескончаемых прений, а в ходе прямой борьбы с контрреволюцией»⁶⁶.

Временно захиревшие после июльских дней Советы не только оживили свою деятельность, но и вновь обрели силу и влияние и в ряде случаев фактически взяли на себя функции государственной власти, занявшись вопросами вооружения рабочих, размещения военных сил для обороны и т. д.

И, наконец, последнее важное обстоятельство, характеризовавшее обстановку в дни корниловского мятежа. Именно в дни мятежа, в тот момент, когда контрреволюция сочла организацию своих сил достаточно зрелой и подготовленной для решительных действий, со всей очевидностью обнаружилась беспочвенность, слабость и фактическая неспособность ее на данном этапе сломить силы революции и даже оказать им действительное сопротивление, если только эти силы выступают сплоченно и организованно и меньшевикско-эсеровский блок прекратит поддержку буржуазии. Ленин подчеркивал это обстоятельство с особенной резкостью.

Выяснилось, что единственными силами, на которые могла опереться буржуазия в борьбе против социалистической революции в тот период, были силы старого режима. Но без опоры в массах эти силы не были дееспособны. Поэтому, когда вооруженные силы мятежного генерала начали продвижение к Петрограду и вошли в соприкосновение с революционными частями, исход заговора определился быстро, легко и безболезненно.

Таким образом, когда, благодаря правильной линии большевиков, под их руководством образовался единый фронт борьбы с заговором, контрреволюционная бонапартистская клика, лишенная опоры в массах, была легко ликвидирована, — буржуазия оказалась неспособной осуществить насилие над революционным народом.

Обобщая опыт ликвидации корниловщины, Ленин отмечал, что испытанный «только по одному фронту, только в течение пяти

⁶⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 3, стр. 303; см. также стр. 283—284.

дней, 26—31 августа, во время корниловщины», союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии «дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистской и кадетской контрреволюции, что гражданская война с этой стороны развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было «боя»»⁶⁷.

Все это означало, что на новом этапе и с соответствующими изменениями вновь создавалась благоприятная обстановка для безболезненного взятия власти Советами, вновь возникла возможность мирного развития.

Ленин немедленно, с поразительной быстротой сориентировавшись в создавшейся ситуации, предложил сделать еще одну попытку использовать эту крайне редкую и крайне ценную возможность, как ни ограничена была вероятность ее осуществления в свете предшествующего опыта.

1 сентября, буквально на другой день после ликвидации заговора, он направляет в центральный орган партии статью, озаглавленную «О компромиссах», в которой указывает, что наступивший теперь поворот дает основание большевистской партии «предложить добровольный компромисс — правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, — оговаривает Ленин, — а нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелкобуржуазно-демократическим партиям, эсерам и меньшевикам». Разъяснив далее, что компромиссом со стороны большевиков является возврат к доиюльскому требованию о передаче всей власти Советам и образовании ответственного перед Советами правительства из эсеров и меньшевиков, Ленин писал: «Теперь, и только теперь, может быть всего в течение нескольких дней или на одну — две недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение вперед всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма»⁶⁸.

Несмотря на то, что в критические дни корниловского мятежа эсеры и меньшевики качнулись влево, несмотря на заметный рост интернационалистских «левых» крыльев в обеих соглашательских партиях, Ленин был далек от переоценки возможности принятия ими предложения о компромиссе и взятия власти Советами. Он считал, что для ее реализации имеется значительно меньше шансов, чем в доиюльский период, что речь идет именно о последних шансах, последних попытках.

Но — и в этом заключается один из поучительных уроков борьбы Ленина за мирный путь развития революции в 1917 году — он считал, что коммунисты не должны отказываться от попыток использовать и эти незначительные шансы, поскольку речь идет о столь редкой, ценной, благоприятной и сулящей сбережение человеческих жизней возможности.

Непосредственно вслед за цитированными выше строками Ленин писал: «Может быть это уже невозможно? Может быть. Но если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее»⁶⁹.

Но и на этот раз, после некоторых колебаний, вместо того чтобы принять предложенный большевиками компромисс, укрепить наметившийся в корниловские дни единый фронт, несмотря на полную дискредитацию соглашательства в массах, меньшевики и эсеры отказались от образования правительства, ответственного перед Советами, и снова поддержали сформированное Керенским «новое» буржуазное правительство — Директорию.

И Ленин вновь, с еще большей резкостью и негодованием, разобла-

⁶⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 17.

⁶⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 283.

⁶⁹ Там же, стр. 284.

чает соглашателей, выясняя их преступную роль и историческую ответственность за то, что возможность мирного развития снова была упущена: «...Советы, которые упустили еще один момент мирно взять всю власть в момент ликвидации восстания Корнилова, эти Советы становятся виновными не только в соглашательстве, но уже в преступном соглашательстве»⁷⁰.

И после корниловщины, уже в период Демократического совещания, в существенно изменившихся условиях Ленин в нескольких статьях⁷¹ вновь ставил вопрос о возможности мирного развития, показывая преимущества такого пути и предупреждая социал-соглашателей об исторической ответственности за его срыв.

Подробное рассмотрение вопросов, связанных с этим периодом, является предметом специального исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Однако уже здесь может быть с неоспоримостью установлено, что практически в этот период вопрос о мирном развитии не стоял, и высказывания Ленина имели иной, чем в доиюльские дни, политический смысл. Смогут или не смогут теперь отдельные Советы на местах овладеть всей полнотой власти сравнительно мирно, без вооруженной борьбы (что фактически и имело место), но вопрос о государственной власти в центре, в стране в целом может быть решен только путем вооруженного восстания, только при применении революционного насилия.

Ускоренный корниловщиной, шел неудержимый процесс большевизации Советов. Петроградский и Московский Советы, многие Советы в основных промышленных центрах страны перешли на сторону большевиков, и партия вновь выдвинула временно снятый лозунг «Вся власть Советам!». Но теперь этот лозунг практически уже являлся лозунгом вооруженного восстания.

Теперь основной политический смысл и назначение предложения о мирном взятии власти Советами заключались в том, чтобы еще крепче пригвоздить к позорному столбу соглашателей, упустивших столь исключительную благоприятную возможность, еще отчетливей установить их историческую ответственность за ставшую неизбежной вследствие их предательской политики гражданскую войну, за кровь рабочих и крестьян, которая в этой войне будет пролита. Теперь это звено в процессе окончательной изоляции соглашателей — важный тактический маневр, облегчающий подготовку вооруженного восстания.

Ленин и партия сделали все от них зависевшее, чтобы создавшуюся в 1917 г. возможность мирного развития революции использовать до конца.

Не большевики, а их политические противники, не славный русский рабочий класс, а его классовые враги воспрепятствовали реализации этой возможности, сорвали мудрый, проникнутый высоким гуманизмом план Ленина, а в дальнейшем ввергли Россию в пучину гражданской войны.

На них и пала за это тяжелая историческая ответственность, они и получили мзду полной мерой.

Частично план мирного развития осуществился: в период до июльских дней поступательное движение революции происходило мирно, да и в последующий, немирный период в целом ряде мест Советы сумели взять всю полноту власти, не прибегая к оружию.

Но главный исторический итог определяется не этим: ленинский план

⁷⁰ Там же, стр. 291.

⁷¹ Речь идет о статьях «Один из коренных вопросов революции» (т. 25, стр. 341, 347), «Русская революция и гражданская война» (т. 26, стр. 17, 18) и «Задачи революции» (т. 26, стр. 45, 46).

мирного развития был мудрым, эффективным, безусловно правильным планом и сыграл большую роль в деле обеспечения великой Октябрьской победы.

Он помог скорейшему разоблачению и изоляции меньшевиков и эсеров, продемонстрировал дальновидность, жизненность и гуманизм большевистских лозунгов, их притягательную силу, ускорил образование политической армии революции. Он помог в ряде случаев избежать провокаций, готовившихся врагами революции, и предотвратить напрасное кровопролитие.

В немалой степени именно установке на мирное развитие революции рабочий класс и крестьянство России обязаны тем, что Октябрьское вооруженное восстание было проведено сравнительно бескровно.

Глубоко гуманистический характер социалистических революций получил свое подтверждение и в этом факте. Октябрьская социалистическая революция, социалистические революции в европейских странах народной демократии и Китае стоили народам несравненно меньше крови и жертв, чем любая из буржуазных революций.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза в своих исторических решениях полностью восстановил ленинскую идею о возможности мирного развития социалистической революции и, обобщив огромный новый опыт братских коммунистических и рабочих партий Запада и Востока в борьбе за коммунизм, опыт европейских стран народной демократии и великого Китая, развил и углубил эту идею с учетом новых условий.

Победа социализма в СССР, образование мировой социалистической системы, рост влияния коммунистических партий и усиление общедемократических движений против монополий в капиталистических странах, рост национально-освободительного движения и прогрессирующий распад колониальной системы империализма — все эти коренные изменения в современном мире внесли, естественно, существенное изменение также и в постановку и решение вопроса о возможности мирного развития социалистической революции.

Если 40 лет тому назад Ленин говорил об этой возможности как о редком исключении, то в настоящее время зона ее значительно расширилась. В отчетном докладе Н. С. Хрущева о работе ЦК КПСС на XX съезде партии, в выступлениях руководящих деятелей партии и решениях съезда эти положения были развернуты и аргументированы с исключительной убедительностью.

Ориентация на использование возможности мирного пути развития революции выражена в программах коммунистических партий Великобритании, Италии и других стран; уже в последнее время съезды коммунистических партий Норвегии и Греции приняли аналогичные решения.

Разумеется, путь каждой из этих стран к социализму имеет свои особенности, обусловленные целым рядом экономических, социально-политических, исторических условий, и вредным догматизмом, узколобым начертанностью была бы попытка считать, что коммунистические партии этих стран должны придерживаться одинаковых рецептов и эталонов.

Но основные закономерности классовой и политической борьбы, действовавшей 40 лет тому назад, не утратили и не утратят своей силы. Напротив, они получили за эти годы непрерываемо убедительное подтверждение и прошли успешную проверку.

Живительный свет гениальных ленинских идей, озаривший в 1917 г. путь к победе рабочему классу России, и в наши дни помогает найти правильные решения основных вопросов общественного развития, в том числе одной из актуальнейших проблем современности — роли революционного насилия и возможности мирного пути социалистической революции.